

Шаповалов В. А.,

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Асоциальное поведение помещиков в русских бытовых сказках

Аннотация. В статье рассматриваются крестьянские воззрения на асоциальное поведение бар в контексте русских бытовых сказок. Показана крестьянская мировоззренческая специфика представлений о помещичьем асоциальном поведении, которая вписывалась в крестьянский социопсихологический традиционализм. Все это позволяет утверждать о важности бытовых сказок в качестве исторического источника применительно к анализу барского быта, системы взаимоотношений помещиков и крестьян.

Ключевые слова: фольклор, бытовая сказка, барин, мужик, социальная психология, русская деревня

Shapovalov V. A.,

Belgorod State National Research University

Asocial Behaviour of Landowners in Russian Common Fairy Tales

Abstract. The article deals with peasant views on the asocial behaviour of landlords in the context of Russian common fairy tales. It shows peasant ideological specificity of ideas about antisocial behaviour of landowners, which fits into the sociopsychological peasant traditionalism. All of this allows to assert the importance of common fairy tales as a historical source, in relation to the analysis of the lordly life, the system of relations between landowners and peasants.

Keywords: folklore, common fairy tales, landlord, peasant, social psychology, Russian village

Асоциальное или девиантное поведение с негативным вектором восприятия глубоко исторично и внутренне структурировано в соответствии с определенными моральными эталонами⁶³⁴. На разных исторических этапах развития конкретного общества данные социопсихологические понятия видоизменялись, принимая новую смысловую сущность и оценочные суждения. В частности, это можно отнести к фактам смерти младенцев, понятию жестокости

⁶³⁴ *Нартова-Бочавер С.* Психология личности и межличностных отношений. М., 2001. С. 57.

господ по отношению к категориям принадлежащих им или зависимых от них людей, праздности, сладострастия и т.п. В то же время необходимо иметь в виду нередкую разнонаправленность моральных установок у представителей отдельных страт в рамках одной сословной общности. Например, у мелкопоместных и крупнопоместных дворян России. Последние в своей основе не рассматривали мелких помещиков в качестве представителей благородного сословия⁶³⁵. Между различными социальными общностями или условиями тождественность моральных установок в их детализированном виде была незначительной. Взять хотя бы моральные эталоны дворян, духовенства, купцов и крестьян. Но, естественно, существовали и общности нравственных воззрений на платформе общечеловеческих ценностей (любовь к родителям, детям, отрицание подлости, лжи и т.д.).

С точки зрения субъекта асоциального поведения, он поступает справедливо по отношению к определенному лицу, группе лиц или обществу в целом. Его личное «Я» отрицает принятые в обществе нравственные установки, оправдывая себя определенной спецификой своей жизнедеятельности, опираясь на смыслы (культы) жизни в потреблении, удовольствии, достижении власти или приумножения материальных благ⁶³⁶. Между тем социопсихологическое понятие справедливости вариативно в контексте многокультурности⁶³⁷ и социально стратифицировано, имея определенный исторический маркер. Так, среди российского провинциального дворянства в конце XVII – начале XIX в. широко был распространен бандитизм, который отрицался подавляющей частью общества и жестоко подавлялся. Но среди определенной части населения он приветствовался и считался справедливым в рамках специфики ее взаимоотношений с обществом⁶³⁸. Асоциальность в контексте социопсихологического восприятия всегда общественно резонансна и привлекает к себе большое внимание, что в конечном итоге

⁶³⁵ Шаповалов В. А. Поместное дворянство Европейской России в 50–90-х годах XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний). Белгород, 2014. С. 476–480.

⁶³⁶ Семеник Д. Г. Хасьминский М. И. Выход есть: как не совершить непоправимое... М., 2017. С. 168–173.

⁶³⁷ Гулевич О. А. Социальная психология справедливости. М., 2011. С. 153.

⁶³⁸ Марков Р. Недавняя старина // Исторический вестник. 1891. Т. 45. С. 249–250; Костомаров Н. И. Казачья Дубрава, иначе Казачья слобода или Казачья // Русская старина. 1882. Т. 33. С. 6–8.

не могло не найти отражения в народном фольклоре. В частности, в бытовых сказках. Применительно к воззрениям крестьян на асоциальное поведение бар необходимо дать уточнения. Жестокость, презрительное отношение к другим, лень и праздность традиционно у большей части представителей социальных общностей воспринимаются негативно, но в отношениях между различными условиями эти моральные категории приобретают другую трактовку. Так, крепостные крестьяне считали жестокость и властность барина неотъемлемой частью образа крепкого хозяина, держащего в своих руках все нити управления имением, включая и крепостных. Физические наказания (розги, плети) считались у последних сутью самого наказания провинившегося⁶³⁹. Тем не менее в отдельных бытовых сказках барская жестокость показана на грани асоциального проявления⁶⁴⁰. Здесь речь идет о тех барских требованиях или наказаниях, которые, с точки зрения крепостных крестьян, выходили за рамки разумной достаточности⁶⁴¹. Но все же это проявление барскости, которую могли себе позволить поместные дворяне. Барские глупость, жадность, неприспособленность к труду в сказках показаны иронично, вызывая улыбку. В содержательном контексте они не несут в себе негативного заряда, отрицательной экспрессии. Это было связано еще и с тем, что «добрых» помещиков крестьяне, конечно, не прочь поэксплуатировать, не говоря уже о том, что всегда ждут от них подачки⁶⁴². Большая часть крестьян поддавалась магии барского социального статуса. Этнографы-современники отмечали, что дворян в крестьянской среде воспринимали в качестве представителей высшей касты, где «существует крестьянское эстетическое представление о барине как о противоположности роющемуся в навозе купцу или мужику»⁶⁴³.

В крестьянском сознании падение барского престижа было связано с недворянским поведением помещиков, которое сблизало людей с «голубой кровью» с представителями социальных низов. В первую очередь это относилось к пьянству, блуду помещиц с представителями

⁶³⁹ История крестьянства России до 1917 г. Т. 3 / отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1993. С. 438.

⁶⁴⁰ Русские народные сказки. Барин и мужик / Сост. Ю. М. Соколов. М.-Л., 1932. С. 48–55.

⁶⁴¹ Дубасов И. Елатомский помещик Кашкаров // Древняя и новая Россия. 1877. № 1. С. 127–128.

⁶⁴² Шнейдер В. П. Памяти Ольги Петровны Семеновы. СПб., 1908. С. 14.

⁶⁴³ Шнейдер В. П. Памяти Ольги Петровны Семеновы. С. 16.

низших сословных общностей, проматыванию состояний в ходе азартных игр, после чего барин пускался по миру, теряя все внешние атрибуты дворянского достоинства. Относительно употребления алкоголя действующими лицами русских бытовых сказок В. С. Бахтин подчеркивает: «В сказках, чего греха таить, нередко упоминается “бутылочка”. Безусловно, какая-то связь наших нынешних бед с прошлыми традициями существует, но она не носит решающего характера. Для крестьянина хорошее угощение означало, во-первых, щедрость, гостеприимство хозяина... во-вторых, это угощение являлось показателем известного достатка»⁶⁴⁴. Но к пьянству в крестьянской семье относились отрицательно. Это хорошо отражено в народных пословицах: «Счастлив тот, кто вино не пьет», «Не жаль вина, а жаль ума», «Тому не помочь, кто до вина охоч», «Работа денежку копит, хмель денежку гонит»⁶⁴⁵. Собственно, это подтверждает и знаток крестьянского быта А. Н. Энгельгардт, автор знаменитых очерков «Из деревни. 12 писем. 1872–1887»: «Вообще нужно заметить, что между мужиками-поселянами отпетые пьяницы весьма редки. Я вот уже год живу в деревне и настоящих пьяниц, с отеками лицами, помраченным умом, трясущимися руками, между мужиками не видел. При случае мужики, бабы, девки, даже дети пьют... но это не пьяница... Начитавшись в газетах о необыкновенном развитии у нас пьянства, я был удивлен тою трезвостью, которую увидал в наших деревнях»⁶⁴⁶. Но в этом же сюжете он противопоставляет крестьянам другие категории селян, в которых, по его наблюдениям, большое количество пьяниц: «...из помещиков, поповских, дворовых пьяницы, пропившие ум, совесть и потерявшие образ человеческий»⁶⁴⁷. Для нас здесь важно упоминание помещиков как социальной общности с большим количеством пьяниц.

К прелюбодеянию или блуду в крестьянской среде относились в основном негативно. Даже если муж и жена находились в длительной ссоре и жили раздельно, тем не менее «открытое сожителство с кем-либо встречается очень редко, как исключительное явление, потому что народ относится к этому очень неодобрительно, [неразборчиво]. Если и развратничают, то тайно, хотя эта тайна в большин-

⁶⁴⁴ Бахтин В. С. Приглашение к сказке // Русская бытовая сказка. Л., 1987. С. 7.

⁶⁴⁵ Сборник пословиц, поговорок, примет и прочее. (Русско-народная философия) / сост. отшельник Мери-Хови. СПб., 1882. С. 197–198.

⁶⁴⁶ Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1937. С. 25.

⁶⁴⁷ Энгельгардт А. Н. Указ. соч. С. 25.

стве случаев бывает известна всем»⁶⁴⁸. В народе прелюбодеяние приравнивалось к греху. В частности, на это указывает поговорка «Чрево (утроба) все грехи скажет»⁶⁴⁹.

Азартные игры у крестьян ассоциировались с одной из причин разорения, бедности, подтверждением чему служат следующие пословицы: «Счастье пытаться – деньги терять», «Ставил да ставил и стал голичком, потерявши яичко, играй желвачком», «Чист молодец, промотался на голую кость»⁶⁵⁰.

Экстраполяция собственного мировоззрения крестьян на барское является проявлением «диффузного сознания», когда сознание господ мыслилось крестьянами по образу и подобию своего⁶⁵¹. Эта социологическая особенность, с учетом магии барского достоинства, хорошо просматривается в бытовых сказках, где крестьяне показывают проявление асоциального поведения поместных дворян. Как отмечалось выше, именно пьянство, блуд барынь с представителями нижестоящих социальных общностей, азартные игры, доводящие до нищеты, в бытовых сказках по отношению к помещикам имеют негативный эмоциональный окрас. С точки зрения сочинителей сказок, эти асоциальные проявления сводили на нет барское достоинство.

Автору известно четыре бытовых сказки об асоциальном поведении бар. В первую очередь среди них выделяется сказка «Барыня-пьяница». Само название сказки говорит за себя. Примечательно здесь и начало сказки: «Была такая барыня, что очень водку пила»⁶⁵². То есть сразу подчеркивается специфика поведенческого уклада повседневности помещицы. При этом размеры выпитого должны убедить слушателей в устоявшейся пагубной привычке и алкогольной «крепости» барыни. В частности: «Вот однажды поехала она в церковь, и заехала перед обедней в трактир, и спрашивает еврея:

– Есть у тебя водка?

– Есть двадцать бутылок пива.

⁶⁴⁸ Русские крестьяне. Быт. Нравы. Материалы. «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии / под ред. Д. А. Баранова, А. В. Коновалова. СПб., 2004. С. 477.

⁶⁴⁹ *Иллюстров И. И.* Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, 1904. С. 342.

⁶⁵⁰ *Иллюстров И. И.* Указ. соч. С. 282.

⁶⁵¹ *Усенко О. Г.* Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Тверь, 1994. С. 29.

⁶⁵² Русские народные сказки. Барин и мужик. С. 163.

– А ну, давай первую.

Выпила.

– Давай вторую.

Досидела до того, что выпила девятнадцать бутылок, а одна осталась.

И говорит:

– А ну давай еще двадцатую.

Он ей дал. Она пьет и уже мочится»⁶⁵³. Показывается полная моральная деградация барыни.

Проспавшись в церкви, помещица отправилась домой, где приказала наловить себе на ужин раков. Но перед приготовлением и в ходе их варки она выпила четыре стакана водки. После чего барыня «досидела до того, что как пила, так и заснула около стола. Слуги раков съели, ей руки обмазали, а скорлупу положили перед нею. Барыня проснулась:

– Где раки?

– А разве же вы, барыня, не ели? Вот себе пальцы замарали.

– Правда, правда, что я уже съела. Ну, так давай водки после раков.

И так все пила водку»⁶⁵⁴

Сюжет вышерассмотренной сказки весьма незатейливый, сказка начинается и заканчивается употреблением алкоголя барыней, в процессе которого ее слуги поужинали раками вместо нее. Обычная бытовая история. Учитывая, что бытовые сказки представляют собой предельно широкие обобщения⁶⁵⁵, перед нами предстает образ социально опустившейся поместной дворянки, для которой алкоголь стал смыслом жизни, повседневной реальностью. В глазах крестьян подобные помещицы-алкоголички теряли свойственные представительницам дворянского сословия барскость. Тем более женский алкоголизм в сравнении с мужским в крестьянской среде считался более страшным пороком, подтверждением чему служат следующие поговорки: «Муж пьян – полдома горит, жена пьяна – весь дом горит», «Пьяная баба – свиным прибавка», «Пьян – не свой, сам себе чуж. Баба пьяна – вся чужа»⁶⁵⁶.

⁶⁵³ Русские народные сказки. Барин и мужик. С. 163.

⁶⁵⁴ Русские народные сказки. Барин и мужик. С. 163.

⁶⁵⁵ Юдин Ю. И. Дурак и шут, вор и черт (Исторические корни бытовой сказки). М., 2006. С. 9.

⁶⁵⁶ Сборник пословиц, поговорок, примет и прочее... С. 198.

В источниках есть немало свидетельств о пьянстве представительниц «голубой крови». Например, примечательна характеристика курской помещицы А. И. Алымовой в дореформенный период: «...и уж водку пьет без милости. Прямо стаканом ее погоняет. Вот пьет, да и заскрипит зубами, кулаки вверх поднимет. “Гей, бабы, девки, все ко мне собирайтесь, величайте меня”. Тут все бабы работы побросают, через огороды бегут-несутся. И баб этих она отдельным кружком поставит, а нас, девок, по другую сторону... Одна девка перед нею стоит, поднос держит с водкою. Прежде всего запеваем мы:

Чарочка моя,
Серебряная,
На золотом блюде
Поставленная.
Кому чару пити,
Тому здраву быти!
Пить чару честной вдовушке,
Славной барыне,
Александре свет-Изотьевне!

Тут она подскочит кверху, а мы раз и крикнем “ура!”. И коли какая опоздает на секунду, она и возьмется ее по голове бить, а после и всех бить возьмется...»⁶⁵⁷

Обращает на себя внимание то, что крестьянки специально сочинили величальную песню для алкогольной постановки. Образ жизни Алымовой не вписывался в представления о добродетелях дворянской женщины как у соседей-помещиков, так и у ее крестьян. Повседневные реалии барыни в пьяном угаре могли и стать основой для создания бытовых сказок о помещицах-пьяницах. Здесь уместно упомянуть высказывание В. Я. Проппа: «Эти сказки (бытовые. – В. Ш.) могут служить средством изучения крестьянского мировоззрения и крестьянской житейской философии»⁶⁵⁸. Что, собственно, и было продемонстрировано при анализе вышерассмотренной сказки.

В двух сказках рассказывается о барынях-блудницах. Примечательно, что здесь, как и в сказке про барыню-пьяницу, речь идет исключительно о дворянках. Подобные сюжеты о баринах отсутствуют. При этом грешат барыни с местными священниками. Здесь нет ничего удивительного, ведь для большей части крестьян барин

⁶⁵⁷ Марков Р. А. Недавняя старина // Исторический вестник. 1891. Т. 78. С. 539–540.

⁶⁵⁸ Пропп В. Я. Русская сказка, М., 2000. С. 284.

(барыня) и священник, исходя из сословного принципа, были представителями «высшего света» в рамках их сельской округи. Тем более в реальной жизни подобные случаи были, и они получали громкую огласку. С другой стороны, женский блуд в сравнении с мужским в крестьянском сознании считался более страшным грехом. Барские же «шалости» с дворовыми девками в крестьянской среде не всегда соотносились с блудом. Все это должно было усилить эмоциональную составляющую сюжетов, вызывая негативно-саркастическое восприятие. Относительно широкое распространение женской неверности в семьях привилегированного и полупривилегированных сословий подтверждают материалы русской лубочной картинки из собрания Д. А. Ровинского⁶⁵⁹. В частности, примечателен лубок под № 119, где «неверная жена, которая переменки пожелала, волочита к ней пристал»⁶⁶⁰.

Сказка «Жена слепого» начинается следующим сюжетом: «Жил был барин с барыней. Вот барин ослеп, а барыня загуляла с один подьячим. Стал барин подумывать... и шагу не дает ей без себя сделать. Что делать? Раз пошла она с мужем в сад, и подьячий туда же пришел. Вот муж-то слепой у яблони сидит, а жена... с подьячим»⁶⁶¹. Сосед из окон своего дома увидел утеху своей соседки с подьячим и говорит жене, что если бы бог открыл глаза слепому мужу, то он, наверное, убил бы свою жену. «На тот грех и открыл Господь слепому барину глаза: увидел он... – “Ах ты!... Что ты делаешь, проклятая!” А барыня: “Ах, как я рада, милый мой! Ведь сегодня ночью приснилось мне: сделай грех с таким-то подьячим и Господь за то откроет твоему мужу глаза. Вот она и есть правда: за мои труды Бог дал тебе очи»⁶⁶². В сказке неверность жены усугубляется наличием тяжелейшего физического недуга мужа, чем она и пользуется для организации встреч с подьячим. Но Господь ее наказывает, открывая, во всех смыслах, глаза мужу на бесстыдство жены. Глубокую порочность жены подчеркивают и ее аморальные оправдания перед прозревшим мужем.

В сказке «Схожий-прохожий» бедный крестьянин, зашедший в богатый дом переночевать, стал свидетелем встречи барыни со своим любовником – местным попом. Мужика отправили спать

⁶⁵⁹ Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 2002. С. 64–67.

⁶⁶⁰ Ровинский Д. А. Указ. соч. С. 65.

⁶⁶¹ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. М., 2014. С. 1077.

⁶⁶² Афанасьев А. Н. Указ. соч. С. 1077.

под печь. Но неожиданно вернулся барин, и поп спрятался под печку рядом с мужиком. Барыня стала угощать мужа, а мужик, требуя денег, провоцировал попа его выдачей барину. Поп отдал мужику деньги, одежду и остался нагишом. Мужик тем не менее вылез из-под печи и был представлен барыней барину «схожим-прохожим». В ходе разговора с барином он предложил ему за большие деньги выгнать из дома домового, который якобы поселился в нем. Барин согласился, после чего «схожий-прохожий» кипятком из кружки выгнал попа из-под печи и тот ошпаренный выскочил из дома⁶⁶⁵. Как и в выше-рассмотренной сказке, любовником барыни представлен местный священник. Но в данной сказке мужик в ходе трюка с «домовым», скрывая греховную связь барыни и попа, богатеет за счет любовника-священника.

Учитывая, что сочинители бытовых сказок во многом черпали материал для сюжетных линий последних из реальной жизни⁶⁶⁴, факты сожительства дворянок со священниками, вероятно, не являлись здесь исключением. Но в качестве уточнения хотелось бы привести весьма важное наблюдение В. И. Семевского относительно системы взаимоотношений поместных дворян и сельских священников второй половины XVIII в.: «В отношении к окружающим помещикам сельский священник находился в весьма зависимом положении: каждый такой помещик был для него барином (Матусевич (сельский священник. – В. III.) так и называет их в своем дневнике), которому приходилось поклоняться для получения всякой небольшой подачки»⁶⁶⁵. То есть между сельскими попами и среднепоместными, крупнопоместными барами существовала социопсихологическая дистанцированность социального и сословного планов, чему есть масса свидетельств. Отсюда, скорее всего, любовные связи у сельских священников могли быть с помещицами из низших страт своего сословия, чьи жизненные уклады, социальные притязания были относительно одинаковы. Но были и другие примеры, когда любовниками являлись помещицы из высшего света и первосвященники. Так, в 1822 г. в селе Прилепы Дмитриевского уезда Курской губер-

⁶⁶³ Народные сказки Воронежской области / под ред. А. И. Кретова. Воронеж, 1977. С. 124.

⁶⁶⁴ Пропт В. Я. Русская сказка. С. 288; *Его же*. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 85; Аникин В. П. Русское устное народное творчество. М., 2004. С. 479; Ведерникова Н. М. Русская народная сказка. М., 1975. С. 91–92.

⁶⁶⁵ Семевский В. И. Сельский священник во второй половине XVIII века // Русская старина. 1877. Т. XIX. С. 531.

нии началось следствие против курской Салтычихи – О. К. Брискорн, вдовы тайного советника Ф. М. Брискорн. В ходе следствия рассматривались издевательства помещицы, доведшие до гибели около 100 крестьянских душ. Помимо всего, выяснилось, что вдова тайного советника, урожденная бессарабская боярыня Маврогени, открыто сожительствует с протоиереем Гапоновым и вместе с ним занимается махинациями по государственным подрядам сукнами. Скандал был большой, но дело закончилось всего лишь взятием имения Брискорн в дворянскую опеку, осуждением местным благородным обществом ее девиантных «вольностей» и попыткой отправки Гапонова в монастырь⁶⁶⁶.

Современники, выходцы из духовного звания, занимавшие высокие должности в церковной иерархии, вынуждены были констатировать отсутствие высоких нравственных качеств у значительности части духовенства. На это прямо указывает Д. И. Ростиславов, занимавший до 1852 г. должности профессора и инспектора Санкт-Петербургской духовной академии, отец которого был священником. «К искреннему сожалению, нужно сказать, что наше д-во [духовенство], за многими, впрочем, почетными исключениями, и в былое и в настоящее время не любило в своей массе отличаться нравственными качествами»⁶⁶⁷. Это отчетливо видели и крестьяне, отражая свои наблюдения в различных формах фольклора, в частности в сказках.

В сказке «Барин и лакей» помещик, имевший в своем распоряжении всего одного лакея, проигрывает в карты дом с гостиницей и остается без копейки денег. Но идти до оставшегося имения надо было два дня, не имея запасов еды.

На второй день, остановившись возле реки и увидев плескавшуюся щуку, они перекинулись фразами:

«...Барин и говорит:

– Эх, кабы эта щука да с хреном!

А лакей отвечает:

– Эх, кабы эта вода да с хлебом!

– Да, неплохо бы было...»⁶⁶⁸

Приведенный диалог в сказке подчеркивает, что разорение в ходе азартных игр, как правило в карты, ставило на одну социаль-

⁶⁶⁶ Арабоглы М. А. Три усадьбы, три судьбы. СПб., 2006. С. 19, 57, 61–62.

⁶⁶⁷ Ростиславов Д. О православном белом и черном духовенстве. Лейпциг, 1866. Т. 2. С. 244.

⁶⁶⁸ Русская бытовая сказка / сост. В. С. Бахтин. Л. 1987. С. 92–93.

ную плоскость барина и его слуг. Крестьяне были нередкими свидетелями, когда после проигрыша в карты целых имений последние переходили из одних барских рук в другие. В подтверждение данному тезису можно привести отрывок из воспоминаний Т. А. Кузминской о своем деде А. М. Исленьеве: «Дед имел хорошее состояние, так же как и бабушка, но, к сожалению, одно имение за другим уходило в уплату карточного долга. Одно Красное, казалось, было неприкосновенно. Страсть к игре была так сильна, что даже жена его, имевшая на него большое влияние,... не могла удержать его от игры. Всякий раз, как он уезжал в город, Софья Петровна знала, что он будет играть, и проигрыши, которые постепенно вели их к разорению, вносили в их семейную жизнь тревогу и горечь.

Однажды, поджидая своего мужа... Софья Петровна услышала в окно конский топот. Это был верховой из города с письмом от дедушки. Он писал, что Красное проиграно... Многие пережила в эту ночь несчастная жена его. Но судьба, видно, сжалилась над ней и к утру был другой гонец с известием, что Красное отыграно...

И действительно, нередко случалось так, что дедушка проигрывал в один вечер по целому состоянию и нередко отыгрывал его. Он ставил на карту брильянты бабушки, крепостных, красивых девок, борзых собак и кровных лошадей»⁶⁶⁹.

Асоциальное, или то поведение бар, которое выходило за рамки крестьянского осознания благородного образа жизни помещичьего дворянина, являлось неотъемлемой реальностью российской деревни как дореформенного, так и пореформенного периода. Но крестьянские представления об асоциальном поведении помещиков имели свою мировоззренческую специфику. Жестокость, властность, грубость, не выходящие, с точки зрения крестьян, за разумные пределы, считались неотъемлемой характеристикой крепкого хозяина. Неприспособленность к труду, глупость, лень и жадность вызывали иронию, граничащую с сарказмом, но не несли в себе агрессивную психологическую экспрессию. Пьянство, блуд дворянок с представителями низших сословий, разорение в ходе азартных игр снижали в крестьянском сознании барскую статусность.

Таким образом, бытовые сказки являются ценным источником социопсихологического плана в контексте крестьянского спектра восприятия барского быта и, в частности, поведения.

⁶⁶⁹ Парчевский Г. Ф. Карты и картежники. СПб., 1998. С. 30.

Список литературы

1. *Аникин В. П.* Русское устное народное творчество. М., 2004.
2. *Арабоглы М. А.* Три усадьбы, три судьбы. СПб., 2006.
3. *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. М., 2014.
4. *Бахтин В. С.* Приглашение к сказке // Русская бытовая сказка. Л., 1987.
5. *Ведерникова Н. М.* Русская народная сказка. М., 1975.
6. *Гулевич О. А.* Социальная психология справедливости. М., 2011.
7. *Дубасов И.* Елатомский помещик Кашкаров // Древняя и новая Россия. 1877. № 1. С. 127–128.
8. *Иллюстров И. И.* Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, 1904.
9. История крестьянства России до 1917 г. Т. 3 / отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1993.
10. *Костомаров Н. И.* Казачья Дубрава, иначе Казачья слобода или Казачья // Русская старина. 1882. Т. 33. С. 1–10.
11. *Марков Р.* Недавняя старина // Исторический вестник. 1891. Т. 45. С. 249–250.
12. Народные сказки Воронежской области / под ред. А. И. Кретьова. Воронеж, 1977.
13. *Нартова-Бочавер С.* Психология личности и межличностных отношений. М., 2001.
14. *Парчевский Г. Ф.* Карты и картежники. СПб., 1998.
15. *Пропт В. Я.* Русская сказка, М., 2000.
16. *Пропт В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976.
17. *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. СПб., 2002.
18. *Ростиславов Д.* О православном белом и черном духовенстве. Лейпциг, 1866. Т. 2.
19. Русская бытовая сказка / сост. В. С. Бахтин. Л., 1987.
20. Русские крестьяне. Быт. Нравы. Материалы. «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии / под ред. Д. А. Баранова, А. В. Коновалова. СПб., 2004.
21. Русские народные сказки. Барин и мужик / Сост. Ю. М. Соколов. М.-Л., 1932.
22. Сборник пословиц, поговорок, примет и прочее. (Русско-народная философия) / сост. отшельник Мери-Хови. СПб., 1882.
23. *Семевский В. И.* Сельский священник во второй половине XVIII века // Русская старина. 1877. Т. XIX. С. 501–538.
24. *Семеник Д. Г. Хасьминский М. И.* Выход есть: как не совершить непоправимое... М., 2017.
25. *Усенко О. Г.* Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Тверь, 1994.
26. *Шаповалов В. А.* Поместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний). Белгород, 2014.

27. Шнейдер В. П. Памяти Ольги Петровны Семеновой. СПб., 1908.
28. Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1937.
29. Юдин Ю. И. Дурак и шут, вор и черт (Исторические корни бытовой сказки). М., 2006.

Хорева Н. В.,

*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал*

Из истории Серафимо-Понетаевского женского монастыря

Аннотация. В статье на основе краеведческих материалов и архивных документов раскрывается история Серафимо-Понетаевского Богородицкого Скорбященского женского монастыря с момента возникновения до 1927 г. Особое внимание уделено социально-экономической деятельности обитатели.

Ключевые слова: Серафимо-Понетаевский монастырь, православие, женская община, сестры

Khoreva N. V.,

*National Research Nizhny Novgorod State University
named after N. I. Lobachevsky, Arzamas branch*

From the History of the Seraphim-Ponetaevsky Convent

Abstract. The article reveals the history of the Seraphimo-Ponetaevsky mother of God sorrowful convent on the basis of local history materials and archival documents from the moment of its Foundation until 1927. Special attention is paid to the socio-economic activities of the monastery.

Keywords: the Serafimo-Ponetayevsky monastery, Orthodoxy, female community, sisters

Без православных монастырей невозможно понять российскую историю. Именно они выступают носителями традиций православной культуры, развивавшейся на протяжении многих веков, являются крупнейшими культурно-историческими центрами России и оказывают безусловное влияние на все сферы жизни российского общества.